

— Брат И, хоть и неизвестно, удастся ли нам благополучно завершить этот сериал, но ведь нельзя сказать, что мы ничего не получили.

В этот момент Су Цзянь повернул голову, губы его тронула лёгкая улыбка. С предельной искренностью он добавил:

— По крайней мере, я обрёл в твоём лице друга.

И Тяньшу посмотрел ему в глаза, едва заметно сжав губы.

Су Цзянь продолжил:

— Когда мы только познакомились, наверное... мне показалось, что ты немного высокомерный и холодный. Но потом, когда узнал тебя ближе, я понял, что ты... как бы сказать... довольно душевный человек.

— Я до сих пор помню тот день, когда ушиб колено, а ты принёс мне лёд. Знаешь, я был действительно очень тронут. Просто наверное... раньше, кроме родных, никто не проявлял ко мне такой заботы. Поэтому в тот момент я просто не знал, как на это реагировать.

Договорив до этого места, Су Цзянь немного смущённо улыбнулся.

— Иногда я бываю немного беспечен и многого не замечаю, но всё же вижу, хорошо ко мне относятся другие или нет. Поэтому... вот прямо сейчас, официально, хочу сказать тебе: спасибо.

И Тяньшу смотрел на него, и в глазах у него играла улыбка.

Хотя Су Цзянь говорил о себе, И Тяньшу почему-то вспомнил совсем другое: тот день, когда Су Цзянь, спасая фотографа, сам получил травму. А ещё, как с самого начала съёмок Су Цзянь незаметно заботился о нём — всегда заговаривал первым и всегда брал его с собой, боясь, что он останется в одиночестве...

Су Цзянь сказал, что видит его заботу. Но и он сам прекрасно понимал, что Су Цзянь тоже сделал для него многое.

— Я ведь не ко всем хорошо отношусь. Может быть... возможно... это потому, что ты сам по себе уже очень хороший.

— Эй, погоди, — вдруг перебил его Су Цзянь. — Хотя у нас тут вроде как царит тёплая атмосфера, если хочешь сказать, что я хороший, то говори прямо. Зачем ты вставляешь эти «может быть», да «возможно»? Причём сразу два подряд! Ты... как мне теперь продолжать

свою трогательную речь?!

И Тяньшу на секунду остолбенел. Только что он колебался, потому что ему было неловко говорить такие вещи, и совершенно не обратил внимания на этот момент. Он в замешательстве поспешно начал оправдываться:

— Нет, я...

Увидев хитрую улыбку Су Цзяня, довольного своей маленькой шалостью, тот, кто ещё секунду назад волновался, вдруг почувствовал себя беспомощным.

— Ты же знаешь, я не это имел в виду.

Су Цзянь понимал, что нужно знать меру, и перестал его дразнить.

— Раз у тебя нет возражений, давай с этого момента будем побратимами, — продолжил Су Цзянь с лучезарной улыбкой на лице. — А в один из свободных дней я устрою пир в честь побратимства. Закажем, что захочешь!

— Отлично, — тоже улыбнулся И Тяньшу. — Давай тогда поедим хого, это моё любимое.

— Без проблем. Возьмём тогда «юаньян-го», я не особо ем острое.

*П.п. «Юаньян-го» — кастрюля для хого с секцией для острого бульона и с секцией для неострого бульона.

— Я не привередлив. Ты обычно с каким соусом ешь?

— Ну... с кунжутной пастой.

— Тогда попробуй кунжутное масло с чесночной пастой. Отлично снимает остроту и быстро охлаждает.

— Но разве так не будет слишком жирно?

— Вовсе нет. К тому же ещё и быстро охлаждает, и вообще супер вкусно...

Ночь давно вступила в свои права. Мир вокруг утонул в тишине, и даже редкий гудок, доносившийся издалека, лишь подчёркивал её глубину.

Из маленького окна отеля время от времени доносились голоса и смех двоих. Тёплый мягкий жёлтый свет отрезал всё внешнее, и казалось, что весь мир сужен и заключен в четырёх углах этой комнаты.

<http://bllate.org/book/13820/1219696>